После обеда пошёл дождь. И Герка Краев, страстный любитель «забить козла», раскинул домино. Игра была в самом разгаре, когда в вагончик вошёл никем не замеченный шофёр. По причине небольшого роста он, подтягиваясь на цыпочках, заглядывал поверх голов бурно реагирующих болельщиков. Когда закончилась очередная партия и наступила секундная пауза, шофёр неожиданно для всех сказал:

— Ребята, кирпич бы разгрузить, а?

Два десятка глаз одновременно глянули на него так, как будто он был пришельцем из иных миров.

— По-моему ты не туда зарулил, парень,— сказал Герка, перекинув «беломорину» из одного уголка рта в другой.

Вокруг зашумели:

— Да ты что, парнишка? Не вишь, ливень какой?

— До нитки вымокнешь...

— Мы не водолазы...

— Да и кран уже ушёл, о чём говорить-то?

— Вертай, браток, обратно — кончился рабочий день. Непогода,— подмигнул шофёру Герка и, повернувшись к столу, выкрикнул: — Шесть-шесть заходи!

Игра снова возобновилась и набрала темп. Никто не заметил, как водитель вышел. Вскоре он вернулся. На этот раз уже с прорабом.

— Нажаловался, шоферюга...— как приговор, прозвучала брошенная кем-то фраза.

— Ребята, надо отпустить человека,— сказал прораб, подходя к столу.— Его шофера́ ждут. Им в рейс дальний сегодня уходить надо.

— Ну вот кому надо, тот пусть и разгружает,— снова взял слово Герка.— Лично я дождевые ванны принимать не собираюсь.

В вагончике наступила тишина.

Прораб осмотрел внимательно стоящую перед ним бригаду строителей, молча снял плащ, повесил его на гвоздь и, взяв чью-то каску, глядя на Герку, сказал:

— Не пойму никак, Гера, откуда в вас это?.. Мы с твоим отцом в войну под проливным дождём, в каменистой почве танковый окоп рыли. Надо было... Надо...

— Сейчас не война и не атака. Можно подождать,— парировал Герка, отводя глаза в сторону.

— А-а! — прораб махнул рукой и, надев каску, бросил шофёру: — Пошли, парень!

Они вышли.

В окно было видно, как водитель забрался в кузов и начал подавать кирпичи прорабу.

Герка швырнул домино на стол, встал и, громко хлопнув дверью, тоже вышел из вагончика.

— Перестань, Петрович,— сказал он, подойдя к прорабу и взяв его за рукав.

— Слушай, Гера, уйди лучше, а!— прораб отдёрнул руку и положил на землю очередных два кирпича.

Герка снял с себя куртку, затем тельняшку и, забросив одежду в кабину машины, забрался в кузов.

— Давай, водила, вниз. Я подавать буду. Так ловчее пойдёт.

Из вагончика высыпала бригада. Некоторые снимали с себя одежду прямо на ходу.

— Ребята, ребята! Прекратите сейчас же раздевание! Простудитесь!— закричал на них обеспокоенный прораб, глаза его улыбались.

— Да ты что, Петрович, какой это, к лешему, дождь? — крикнул как с трибуны Герка, поднимая руки к небу.— Настоящая райская водица!

Прораб отошёл в сторону, присел на груду кирпичей и снял каску.

Дождь продолжался до позднего вечера.

1981